

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ преобразованіяхъ Петра Великаго и Екатерины II выступаютъ на историческую сцену новая Россія; она уже вполне вооружена для тѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ побѣдъ, которыя увѣнчали ее—частью въ эти два царствованія, частью впослѣдствіи. Какъ извѣстно, эти преобразованія подготавливались еще въ далекомъ прошломъ. Самъ Петръ считалъ себя только продолжателемъ дѣла. Чьего дѣла, однако? Мы знаемъ его непосредственныхъ предшественниковъ—первыхъ Романовыхъ. Безвѣстно царствовали они въ своемъ государствѣ; ихъ держава, разобщенная съ Европой, замкнутая для внѣшнихъ вліяній, была неспособна вызвать изъ собственныхъ нѣдръ начала хотя бы самой примитивной цивилизаціи. Восходя дальше, къ послѣднимъ годамъ XII столѣтія, историкъ погружается въ «смутное время»: здѣсь уже совершенный хаосъ и анархія, варварство и тьма.

Однако, попробуемъ ближе всмотрѣться въ тотъ свѣтъ, который столь внезапно озарилъ XVIII столѣтіе. Легко убѣдиться, что онъ отнюдь не является утренней зарею. Онъ изливается не отъ восходящаго солнца: для этого въ немъ слишкомъ много блеска. Очевидно, Петръ Великій не ошибся: тотъ мракъ, изъ котораго возсіялъ его лучезарный геній, былъ не болѣе, какъ временнымъ затменіемъ.

Какъ внутреннее, такъ и внѣшнее развитіе великой сѣверной державы совершается какъ будто по тѣмъ же законамъ, которые управляютъ движеніемъ свѣжной лавины. Вдругъ, послѣ долгаго промежутка, перемѣщается какимъ-то образомъ центръ тяжести; огромная масса рѣзкимъ толчкомъ подается впередъ; затѣмъ останавливается,—и опять наступаетъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ мертвой неподвижности. Такое явленіе наблюдалось въ исторіи Россіи уже неоднократно; по всей видимости, оно повторится и въ будущемъ еще не одинъ разъ. Причины его объясняются чрезвычайно просто. Судьба поставила русскій народъ лицомъ къ лицу съ огромными задачами; на пути къ нимъ онъ неизбежно сталкивается съ

IV

великими препятствіями; въ борьбѣ съ ними силы его, естественно, то напрягаются, то ослабѣваютъ. Въ настоящее время,—вотъ уже около двадцати лѣтъ,—внутренній прогрессъ Россіи какъ будто пріостановился; не видно поступательнаго движенія этого государства и на испытанномъ поприщѣ внѣшняго преуспѣянія. Отчего происходитъ это? Оттого, что вся энергія Россіи была поглощена и израсходована на пріобрѣтеніе новыхъ областей, долженствующихъ еще раздвинуть ея границы—вплоть до Китайскаго моря въ одномъ направленіи, и до Персидскаго залива—въ другомъ. Пусть временно оставлены другія задачи: медленно, но вѣрно зрѣютъ онѣ въ тишинѣ. Вновь пробьетъ для нихъ часъ,—и горе тому, кто не бережется лавины.

Тотъ предшественникъ, на котораго ссылался Петръ Великій, былъ современникомъ послѣднихъ Валуа. Къ этой порѣ и приходится обращаться изслѣдователю, который стремится вскрыть политическій и духовный генезисъ великаго преобразователя. Безспорно, это трудная задача; но лишь такимъ путемъ можно притти къ пониманію конечныхъ результатовъ реформы. Отсюда и возникла эта книга, которую я предлагаю нынѣ моему читателю. Я увѣренъ, меня упрекнутъ въ томъ, что я начиналъ свои изысканія не съ этого періода, то есть не съ XVI вѣка. Слишкомъ смѣлъ, однако, былъ бы тотъ историкъ или анатомъ, который сразу обратился бы къ исходному моменту, къ зародышу явленія или къ первичной клѣткѣ. Съ этой точки зрѣнія, ни порядокъ, ни методъ моихъ изслѣдованій ничѣмъ не разнятся отъ обычныхъ пріемовъ научной работы.

Съ XVI по XVIII вѣкъ жизнь русскаго народа протекала, можно сказать, внѣ всякаго общенія съ Европой и независимо отъ вліяній цивилизованнаго міра. Но попытка выйти за предѣлы этого заколдованнаго круга имѣла мѣсто уже раньше. Такимъ образомъ, то дѣло, которое впослѣдствіи встрѣтило со стороны Вольтера такое горячее сочувствіе и поддержку, было начато въ Россіи еще тогда, когда во Франціи царствовали Карлъ IX и Генрихъ III. Въ эту пору огромная, но варварская Московская держава двинулась впередъ, стремясь войти въ сношенія со своими западными сосѣдями. Однако, путь къ Европѣ оказался загражденнымъ: его заступили Польша и Швеція,—и прошло болѣе вѣка, прежде чѣмъ препятствіе это было устранено. Во всякомъ случаѣ, не будь Баторія,—часъ великаго историческаго переворота, быть можетъ, пробилъ бы для Россіи цѣлымъ столѣтіемъ раньше. Въ самомъ дѣлѣ, обратимся ко внѣшней жизни тогдашней

Московской державы: мы увидимъ приобрѣтеніе балтійскаго побережья, уничтоженіе послѣднихъ остатковъ татарскаго могущества, завоеваніе Сибири, начало политическихъ и торговыхъ сношеній со всѣми европейскими странами. Взглянемъ внутрь государства: мы замѣтимъ проникновеніе въ него началъ иноземной культуры и реорганизацію политическаго порядка на новѣйшихъ основахъ. Все это было завершено въ послѣдствіи Петромъ и Екатериной. И все это было задумано, намѣчено и отчасти осуществлено уже тогда, на утрѣ русской исторіи, слишкомъ скоро смѣнившимся тьмою.

Кто же совершилъ это? Человѣкъ, который, по словамъ Кюстина, «можно сказать, преступилъ границы зла, установленныя Всевышнимъ для Своихъ созданій»; мучитель, образъ котораго кажется кошмаромъ, а имя наводитъ ужасъ; соперникъ Нерона и Калигулы—Грозный!

Но здѣсь мы встречаемся съ однимъ изъ любопытнѣйшихъ примѣровъ абераціи, которая поддерживается не только легендой, но и самой исторической критикой.

Начну съ того, что самому мнѣ пришлось озаглавить мою книгу именемъ Ивана *Страшнаго* (LeTerrible). Не будь этого, читатель мой могъ бы и не понять сразу, кому посвящена моя работа. А, между тѣмъ, это имя «Страшный» является безсмыслицей.—Сами русскіе въ настоящее время не обращаютъ на это должнаго вниманія: очевидно, и на нихъ оказалъ свое дѣйствіе невѣрный переводъ прозвища Ивана IV, упорно навязываемый имъ иностранными языками. Нѣмцы колеблются въ выборѣ между именами *Der Schreckliche*—«Страшный» и *Der Grausame*—«Жестокій». Оба эти эпитета невѣрны, но второй—наименѣе удаченъ. Никогда русскіе люди, современники Ивана IV, не звали такъ своего государя. Для нихъ онъ былъ «грознымъ» царемъ. Пусть обратитъ теперь читатель вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Въ полемической перепискѣ съ Иваномъ IV, которая является однимъ изъ любопытныхъ памятниковъ эпохи, Баторій упрекалъ своего противника въ томъ, что принимая пословъ короля, онъ окружаетъ себя *рындами*,—т.-е. стражей, вооруженной сѣкирами. «Это чинъ государскій, да и *гроза*»—отвѣчалъ ему Иванъ. Другими словами: этого требуютъ мой санъ и уваженіе, которое долженъ я внушать. Никогда «грозы» не имѣла другого смысла. Обратитесь къ Домострою, этому знаменитому своду житейской мудрости эпохи Ивана IV; прочтите отдѣлъ объ обязанностяхъ главы семейства: отъ него требуется быть *грознымъ*, т.-е. почтеннымъ и почитаемымъ!

VI

Однако, какъ быть съ пытками, казнями, съ сотнями человѣческихъ жертвъ, о которыхъ говорятъ современники Ивана? Это, конечно, другое дѣло. Но возьмемъ любую страну Европы XVI вѣка: гдѣ, въ какой изъ нихъ, историческая дѣйствительность хотя сколько-нибудь напоминаетъ идиллію? Быть можетъ, въ Польшѣ, гдѣ при послѣднихъ Ягеллонахъ *шляхта* начинала свои рискованные опыты съ девизомъ *noli me tangere*?.. Но Баторій водворилъ тамъ порядокъ—хотя бы на нѣкоторое время... Однако, Польша и Москва, можно сказать, были антиподами,—и если одной удавалось то, въ чемъ другая не имѣла успѣха, это менѣе всего зависѣло отъ выбора средствъ. Вспомнимъ, въ какомъ колоссальномъ котлѣ пришлось кипѣть русскому народу, раскинувшемуся между Ураломъ и Карпатами, Бѣлымъ и Чернымъ морями. Конечно, не лаской, не нѣжностью, не жалостью можно было смѣшать, перетереть и слить въ одно нераздѣльное цѣлое тѣ двадцать различныхъ расъ, которыя составляютъ нынѣшнюю Россію. Пусть даже въ этой созидательной работѣ Иванъ IV и преступилъ границы той жестокости, что была, вообще, свойственна нравамъ эпохи. Намъ придется еще говорить объ этомъ. Однако, и въ легендѣ, и въ исторической критикѣ имя Грознаго стало синонимомъ бессмысленной, ничѣмъ не оправдываемой жестокости, источникомъ которой было грубѣйшее варварство, а проявленія которой граничили съ безуміемъ. Въ этомъ превратномъ сужденіи нѣтъ ничего страннаго. Всякій знаетъ всемогущество слова: въ данномъ случаѣ, невѣрный эпитетъ повелъ къ искаженію исторической дѣйствительности.

Вполнѣ понятно, что, воскрешая образъ Грознаго и его среду историкъ не сможетъ избѣжать порою отталкивающихъ картинъ. Поэтому читатель долженъ быть готовъ къ тому, что нервы его подвергнутся самымъ жестокимъ испытаніямъ. И, все же, за этими страшными видѣніями онъ, несомнѣнно, разглядитъ то, что я называлъ «восходомъ солнца». Солнца *яснаго*, солнца *краснаго*, о которомъ поютъ русскія былины: на ихъ языкѣ оба эти эпитета соединены неразрывной связью... Кроваваго солнца, бросающаго лучи свои на зловѣщій пейзажъ... Пусть такъ: я принимаю и эту оговорку. Быть можетъ, оцѣнивая идеалъ этого времени, исторія человѣчества и не отнесетъ его къ самымъ привлекательнымъ. Все же то былъ идеалъ: онъ руководилъ и нынѣ еще руководитъ великимъ народомъ.

Въ лицѣ Ивана IV, послѣдняго царя Рюриковича (ибо Θεодоръ былъ только манекеномъ), одинъ изъ представителей славянофиль-

VII

ства — Кавелинъ уже призналъ «центральную фигуру» русской исторіи. Послѣ него мы видимъ многочисленныя попытки реабилитировать и возвеличить память этого государя. Но и здѣсь, въ этой естественной реакціи противъ несправедливой легенды, дѣло доходило до самыхъ вопіющихъ крайностей. Мы попытаемся разобраться въ этихъ враждующихъ направленіяхъ; мы постараемся занять позицію, которая соотвѣтствуетъ требованіямъ исторической истины и вмѣстѣ нравственной правды.

Мнѣ казалось невозможнымъ приступить къ предмету своей работы, не предпославъ ей общаго обзора географическихъ условій, политическихъ и социальныхъ отношеній, духовнаго состоянія и нравовъ Россіи XVI вѣка. Углубляясь въ эту страну, историкъ и въ настоящее время поневолѣ оказывается въ положеніи изслѣдователя. Этому введенію я посвятилъ четыре первыхъ главы моей книги. Пусть читатель не посылуетъ на обширность и детальность вступительной части: безъ нея я рисковалъ быть недостаточно понятымъ и долженъ былъ-бы говорить не иначе, какъ ребусами. Мнѣ кажется, что для большинства моихъ читателей тотъ ключъ, который я даю, является совершенно необходимымъ.

При документальномъ обоснованіи моей работы мнѣ пришлось сравнительно мало обращаться къ неизданнымъ матеріаламъ. Большая часть документовъ, которыми мнѣ можно было бы воспользоваться, были, частью, уже опубликованы, а, частью, остаются совершенно недоступными. Что касается литературы предмета, то она чрезвычайно обширна: такимъ образомъ, избѣгая излишняго загроможденія текста, я, за немногими исключеніями, воздерживался отъ непосредственныхъ ссылокъ на мои источники. Библиографическій указатель, заключающій каждую главу, можетъ наилучшимъ образомъ замѣнить подобныя ссылки. Считаю нужнымъ добавить, впрочемъ, что, въ общемъ, вся эта литература предмета представляетъ собою сырой матеріалъ,—собранія документовъ или отдѣльныя монографіи. Свести все это воедино—дѣло будущаго историка.

Прошу моего друга, И. Шукина, принять выраженія моей глубокой признательности. Вся моя работа, съ начала до конца создавалась въ богатой библіотекѣ его, предоставленной въ мое распоряженіе неизмѣнно любезнымъ владѣльцемъ.
